

Владимир Легойда

Фото свящ. Игоря Полякина

Есть идея?

Когда в университете я готовил курс основ русской культуры для иностранцев, обратил внимание: мы говорим «русская идея», но «американская мечта». Тут можно, конечно, поиронизировать, что, мол, русские не мечтают, а у американцев нет идей. И все же — не случайно русские в мировой культуре ассоциируются с Толстым и Достоевским, а американцы дали миру именно *american dream* — массовую культуру от бигмаков до Голливуда.

Но если американская мечта и сегодня живет всех живых и уже давно перестала быть направляющей силой для одних только американцев, то с идеей всё, мягко говоря, не так радостно. Об этом очень точно сказал в одной из недавних проповедей Патриарх Кирилл: «Христианская вера сегодня подвергается очень сильной деформации, потому что глобализирующееся общество не нуждается в идее, оно нуждается в чем-то другом». И это — констатация: действительно, создан новый тип общества, которое прекрасно понимает слово «успех», а идея, не конвертируемая в атрибуты этого успеха, выносятся за рамки достойных заботы прогрессивного человека тем. Тревожащая новизна такого типа общества особенно остро ощущается, когда понимаешь, что именно оно списывает в утиль.

Недавно, например, я переслушивал лекции Лотмана о русской культуре. Он, в частности, рассказывает, что будущие декабристы были воспитаны на идее героизма и квинтэссенцией своей жизни считали момент, когда смогут эту жизнь отдать, совершить подвиг. Не будем сейчас останавливаться на сложном вопросе о том, чем в реальности обернулись их намерения. Здесь мне важнее другое: само ощущение идеи, связанной со служением и жертвой, как естественной и необходимой основы, на которой возрастает человек и строится жизнь. И острое чувство контраста между эпохой, описанной у Лотмана, и сегодняшним днем.

Что же делать? Церковь никогда не шла по течению и всегда призвала идти узким путем, вот только, как подчеркнул Патриарх в той же проповеди, слова ее об этом узком пути сегодня должны быть предельно убедительными. Но как добиться убедительности в ситуации, когда какую идею ни предлагай, самого механизма ее восприятия у современного общества нет?

Мне очень нравится формула «лучшая проповедь — это исповедь». В том смысле, что слова должны произноситься не с высоты какого-то парения над серой массой заблудших, а изнутри, когда вот он, человек без кожи, и его проповедь — это сама его жизнь.

Нас, христиан, могут не слышать, но не замечать нас невозможно — именно из-за этой самой глобализации: все мы живем вместе, все мы соседи в этой глобальной деревне. И было бы хорошо, чтобы, замечая нас, люди думали: «А почему христиане такие? Я тоже хочу быть с ними», а не воспринимали нас как пресловутого соседа с дрянью, который не дает покоя, особенно в воскресенье. Это трудная задача. И возможно, неплохим началом ее решения был бы честный ответ на вопрос себе: а хотел бы я провести в компании с таким человеком, как я сам, час? неделю? год? вечность? **ф.**